

Санкт-Петербургская  
православная духовная академия  
*Архив журнала «Христианское чтение»*

**И.Е. Евсеев**

**Очерки  
по истории славянского  
перевода Библии**

*Опубликовано:  
Христианское чтение. 1912. № 11. С. 1261-1285.*

© Сканирование и создание электронного варианта:  
Санкт-Петербургская православная духовная академия  
([www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)), 2009. Материал распространяется на основе  
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием  
авторства без возможности изменений.



СПбДА  
Санкт-Петербург  
2009

# Очерки по исторіи славянскаго перевода Библии.

## I.

Черты бытовой исторіи славянской Библии съ конца XV до XVIII вѣка.

(Къ 200-лѣтію со времени изданія перваго царскаго указа объ усовершеніи славянскаго текста Библии).

14-го ноября 1912 года исполняется 200 лѣтъ со дня высочайшаго указа Императора Петра I высшей церковной власти о надлежащемъ усовершеніи славянскаго текста Библии въ согласіи съ греческимъ текстомъ LXX. Какъ и въ другихъ областяхъ церковной и государственной жизни, участіе великаго преобразователя въ дѣлѣ устроенія славянскаго библейскаго текста составляетъ знаменательную эпоху въ судьбѣ славянской Библии, ставитъ грань для старой исторіи и программу для новой исторіи нашей славянской Библии. Осуществленіе этой программы выпало на долю его преемниковъ и является единственнымъ примѣромъ вполнѣ опредѣленнаго заботливаго попеченія о судьбѣ славянской Библии нашей государственной власти, а вслѣдъ за нею и по ея настоянію, и нашей церковной власти за все время, когда попеченіе о Библии лежало на отвѣтственности русскихъ, т. е. съ XV-го вѣка. Дѣйствіе властнаго петровскаго распоряженія продолжается и до настоящаго времени: и мы пользуемся славянскимъ текстомъ Библии, образовавшимся въ силу указа 1712 года и его позднѣйшихъ подтвержденій. Даже болѣе: подъ вліяніемъ двухсотлѣтняго господства петровской идеи или ея практическихъ видоизмѣненій относительно славянской Библии, въ нѣкоторыхъ кругахъ русскаго общества мы можемъ наблюдать значительную переоцѣнку продукта этой идеи, въ видѣ извѣстной исторической попытки въ сороковыхъ годахъ

прошлаго столѣтія канонизовать принятый нынѣ славянскій текстъ печатной Библии. Однимъ словомъ, для истекшаго 200-лѣтія петровскій указъ былъ непререкаемымъ авторитетомъ въ исторіи славянскаго текста Библии, хотя въ полной мѣрѣ не осуществленнымъ до настоящаго времени, по недостатку вниманія и нѣкоторой холодности къ этому дѣлу высшей церковной власти.

Далекое отъ научныхъ замысловъ, рѣшительное и опредѣленное слово Императора Петра имѣло въ виду упорядочить только практическое, бытовое положеніе славянскаго текста. Имъ опредѣлялось направленіе, въ какомъ долженъ идти этотъ текстъ, устанавливались рамки его развитія. И естественно, что поставленный въ это русло славянскій библейскій текстъ развивался исключительно въ бытовой обстановкѣ, создававшейся условіями времени. Даже въ то время, когда наука стала пытаться подойти къ этому тексту съ нѣсколькими запросами, онъ властно отстаивалъ свое положеніе. По юридическому опредѣленію, славянскій библейскій текстъ принялъ положеніе предмета обычнаго права, а не строго обоснованной кодификаціи. Поэтому этотъ текстъ можно разсматривать только съ точки соответствія его бытовымъ запросамъ и бытовымъ нормамъ русской жизни, а отнюдь не со стороны его научнаго значенія.

Возникновеніе петровскаго указа было подготовлено предшествующею бытовою исторіею библейскаго славянскаго текста. Такимъ образомъ значеніе этого указа можетъ быть уяснено только на почвѣ раскрытія житейской обстановки текста въ его исторіи, предшествующей 1712 году.

Но этотъ единственный въ исторіи славянской Библии фактъ высшаго правительственнаго вмѣшательства въ судьбу Библии настолько значителенъ и характеренъ, что его съ большимъ правомъ можно разсматривать какъ нравственное средоточіе или жизненный фокусъ всей вообще бытовой исторіи славянской Библии въ Россіи съ XV вѣка. Это самая яркая бытовая и юридически опредѣляющая точка, подлѣ которой возможно объединить весь бытовой матеріалъ, связанный съ славянскою Библіею русскаго періода и до этого указа и послѣ его изданія. Съ точки научной такое центральное мѣсто въ исторіи славянской Библии съ XV вѣка слѣдовало бы отнести геннадіевской Библии 1499 года: въ ней даны всѣ элементы, изъ которыхъ слагалась исторія Библии съ XV вѣка,

и ею, ея направлениѣмъ и природой въ значительной степени обусловливалась вся послѣдующая дѣятельность въ области славянской Библии. Но въ дѣйствительности памяти о пей хватило въ русскомъ обществѣ только на полтора столѣтія. Здѣсь въ ея исторіи случился крупный переломъ: изъ частнаго пользованія она перешла въ руки церковной власти, и послѣдующая ея исторія, съ половины XVII в. (съ 1663 г.), естественно считалась только съ тѣмъ видомъ Библии, какой установился къ моменту перехода ея къ новому владѣльцу. «Первопечатная» Библия 1663 г.; приобрѣла для послѣдующаго времени характеръ святыни, хотя по существу она воспроизводила то же, что было и въ болѣе раннемъ частномъ Острожскомъ изданіи 1581 года, что, далѣе, впервые дано было въ геннадіевской редакціи. И только не связанный канонической дисциплиной съ первопечатнымъ московскимъ изданіемъ, указъ Петра, какъ повелѣніе высшей государственной власти, отрѣшается отъ господствующей традиціи даннаго момента, объединяетъ предшествующую исторію славянской Библии съ ея желательнымъ будущимъ упорядоченіемъ и такимъ образомъ ставитъ вопросъ о славянской Библии русскаго періода такъ широко и съ такимъ подъемомъ мысли, какъ никакой другой актъ въ исторіи этой Библии за послѣднія четыре столѣтія. На основѣ этихъ, поставленныхъ указомъ Петра I, принципиальныхъ рамокъ изслѣдователь имѣетъ право и даже рѣшительное побужденіе осмотрѣть всю вообще бытовую исторію русской Библии за два вѣка, предшествующихъ и два вѣка послѣдующихъ за этимъ указомъ. Что этотъ указъ отмѣчалъ существеннаго въ прежней исторіи славянской Библии, съ XV в. до 1712 г., и что узаконялъ въ ней на будущее время? Каковы были, другими словами, господствующія настроенія въ русскомъ мыслящемъ обществѣ относительно Библии, которыми вызывалось появленіе петровскаго указа, какова идеологія самого петровскаго указа и жизненное приращеніе этой идеологіи въ послѣдующее время?

Уяснить бытовую сторону въ исторіи славянскаго библейскаго текста слѣдовало бы на всемъ протяженіи ея съ IX вѣка. Библия въ славянскомъ переводѣ болѣе чѣмъ какое-либо другое литературное явленіе связана съ духомъ и требованіями времени, съ укладомъ и строемъ жизни, съ подъемомъ или извѣстною степенью національнаго просвѣщенія. Библия у славянъ не была запечатаннымъ семью печатами предметомъ

отвлеченнаго почитанія, какъ латинская вульгата: она была пущена въ самую толщу народно́й жизни, и къ ней не могъ не пристать и нагаръ церковной свѣчи, и копоть келейной лампадки, и досужій домысль высокихъ архіерейскихъ хоромъ, равно какъ не могли на ней не отразиться и самыя свята, сокровенныя помышленія народа отъ воспроизведеній высокихъ святоотеческихъ созерцаній священнаго писанія до приспособленія этихъ таинственныхъ созерцаній къ современнымъ переживаніямъ. На ней лежитъ глубокій національный отпечатокъ. И изученіе славянской Библии внѣ этого историческаго отпечатка несправедливо и недостаточно. Она не раскроетъ своего лица и своей души тѣмъ, кто не постарается войти въ пониманіе ея исторической обстановки, не подойдетъ къ этой ея исторической судьбѣ съ самою искреннею проникновенностью. Недостаточную до настоящаго времени научную разработку славянскаго текста Библии, не смотря на давнюю заинтересованность ею ученыхъ, мы объясняемъ главнымъ образомъ отсутствіемъ внутренней органической заинтересованности и нравственнаго сродства работавшихъ надъ этимъ вопросомъ ученыхъ съ тою областью, къ которой существеннымъ образомъ принадлежитъ славянская Библия.

Нельзя ожидать, что ученый глубоко и основательно изучитъ Пушкина, если ограничить свои наблюденія однимъ только его языкомъ; не высока будетъ цѣна того изученія аѳинскаго акрополя, которое старательно погрузится въ опредѣленіе свойствъ мрамора историческаго Парѳенона и не въ состояніи будетъ объять ни художественнаго содержанія, ни историческихъ традицій этого памятника. Между тѣмъ славянская Библия въ настоящее время изучается наукой только со стороны ея языка и письменной традиціи и на основаніи этого дѣлаются окончательныя сужденія о ея древнѣйшемъ видѣ, о ея минувшей судьбѣ. Поскольку это дѣлается по методическимъ соображеніямъ, это понятно: другія стороны не изучены, не доступны для соображеній, естественно заключенія должны основываться только на доступной изслѣдованію языковой сторонѣ. Но въ изученіи славянской Библии мы видимъ не то: изслѣдователи этого предмета переоцѣниваютъ значеніе результатовъ своихъ изученій: они почитаютъ, повидимому, свою задачу исполненной, какъ скоро уяснена языковая сторона и текстуальное преданіе извѣстной части Библии. По крайней мѣрѣ, намъ не приходилось читать, чтобы кто-нибудь изъ изслѣдо-

вателей сознавалъ, что подобная работа—только черновой, подготовительный набросокъ къ восстановленію цѣлой картины, связанной съ славянской Библией. Никакихъ горизонтовъ, никакихъ дальнѣйшихъ точекъ зрѣнія на предметъ не указывается. Повидимому, такимъ уясненіемъ все почитается достигнутымъ. Если такъ, то здѣсь слѣдуетъ усматривать не временное, методическое ограниченіе въ изслѣдованіи предмета отдѣльной стороной его, а принципиальную узость постановки предмета. И это непростительно, потому что въ изслѣдованіи другихъ памятниковъ древней русской и славянской литературы такого ограниченія нѣтъ: въ книгѣ Еноха Праведнаго почитается возможнымъ возводить идейные корни славянскаго апокрифа за 2 вѣка до нашей эры <sup>1)</sup>; въ повѣсти объ Акирѣ Премудромъ идейное и рукописное соотвѣтствіе славянскому переводу отыскивается въ глубинѣ VII—V в.в. до Р. Х., въ ассирійской литературѣ <sup>2)</sup>. Словомъ, уясненіе судьбы славянской Библии не можетъ отождествляться съ уясненіемъ языка и рукописнаго преданія славянской Библии, какъ это пытается сдѣлать современный господствующій приемъ разработки этого предмета. Къ этой области долженъ быть примѣненъ въ полной мѣрѣ методъ историко-литературнаго изученія со всею сложностью его задачъ, какъ это примѣняется въ наукѣ къ другимъ памятникамъ славянской и русской старины. Въ кругъ этого изученія неизбежно должно войти подробное уясненіе жизненной обстановки славянскихъ библейскихъ письменныхъ памятниковъ до восстановленія ближайшихъ и отдаленныхъ литературныхъ предковъ и родичей этихъ памятниковъ, до воспроизведенія жизненной судьбы славянской Библии во всей ея полнотѣ. Примѣненіе къ изученію славянской Библии въ нашей современной наукѣ почти исключительно метода языковаго изученія списковъ, выдвиганіе на первое мѣсто интересовъ славянскаго языкознанія, а не Библии, какъ цѣльнаго литературнаго памятника, высоко важнаго, помимо его священнаго значенія, и для уясненія древней литературной и культурной исторіи славянъ, — такое

<sup>1)</sup> Проф. М. И. Соколовъ, Славянская книга Еноха Праведнаго. По-смертный трудъ автора приготовилъ къ изданію М. Сперанскій. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Императорскомъ московскомъ университетѣ, М. 1910.

<sup>2)</sup> Повѣсть объ Акирѣ Премудромъ. Изслѣдованіе А. Д. Григорьева. Чт. О. И. Др. Р. 1912, I.

явленіе мы считаемъ только временнымъ предубѣжденіемъ, а не окончательнымъ рѣшеніемъ науки. Сами представители и вдохновители языковой разработки библейскихъ памятниковъ сознають, что при такой ограничительной постановкѣ вопроса не всегда достижимы ихъ спеціальныя задачи. Въ этомъ отношеніи знаменательно признаніе И. В. Ягича въ Славянской Энциклопедіи, I, 24, что ни изслѣдованія Сырку, ни изданія Калужняцкаго не выяснили сущности грамматической реформы тырновскаго митрополита Евѡимія. Но почтенный славистъ не указываетъ, что упомянутые изслѣдователи охотились за рыбею чешуей съ очень рѣдкою сѣтью: рыба проскочила въ широкія звенья сѣти, и чешуя осталась на спинахъ ихъ владѣльцевъ.

Самое предубѣжденіе современной науки трактовать славянскую Библію исключительно только съ точки изученія ея языка, по нашему мнѣнію, объясняется не столько состояніемъ нашей науки, не столько ея подготовительной формой изслѣдованія въ этой области, сколько подражаніемъ примѣру начальной вліятельной разработки. Съ самаго начала разработка славянскаго библейскаго матеріала направлена была на грамматическіе вопросы, призвана была обслуживать только языковые интересы, такъ какъ попала въ руки западно-славянскихъ ученыхъ (Добровскій), ни въ какой мѣрѣ не связанныхъ съ славянскою Библіею по своимъ жизненнымъ традиціямъ. Въ этомъ направленіи, благодаря, правда, солиднымъ научнымъ вкладамъ западно-славянскихъ ученыхъ, изученіе это шло и идетъ у насъ до послѣдняго времени. Но теперь есть голоса, заявляющіе о необходимости не ограничиваться изученіемъ только языковой стороны вопроса, настоятельно выдвигающіе и другія стороны предмета, какъ равно достойныя и заслуживающія изученія, и время отождествленія научнаго изслѣдованія славянской Библии съ изученіемъ ея языка, надо думать, безвозвратно миновало. Столь многогранный предметъ, какъ славянская Библія, способенъ вызвать десятокъ точекъ зрѣнія для всесторонняго обслѣдованія, и каждая будетъ имѣть и свое законное оправданіе и научное значеніе для уясненія вопроса.

Въ настоящемъ случаѣ мы дѣлаемъ попытку уяснить бытовую сторону славянской Библии съ конца XV-го до XVIII вѣка. Она должна будетъ уяснить значеніе того высокаго правительственнаго акта, какой 200 лѣтъ назадъ, подѣ

перомъ великаго преобразователя русской жизни, опредѣлили принципиальный бытовой взглядъ на славянскую Библию тогдашнихъ правительственныхъ и духовно-общественныхъ круговъ и какой по существу остается исповѣданіемъ русской правящей власти и до настоящаго времени. Но бытовой осмотръ этой области будетъ имѣть и другое значеніе. Какъ одна изъ частей многогранника въ изученіи славянской Библии, бытовое изученіе естественно должно будетъ раздвинуть рамки вопросовъ, подлежащихъ научному изслѣдованію въ этой области. По существу бытовое опознаніе Библии является другимъ видомъ изученія предмета, по сраженію съ научнымъ изученіемъ. Наука недавно получила обзоръ научнаго изученія славянской Библии, т. е. обзоръ изученія языка и текстовъ преимущественно древнѣйшаго перевода Библии, со второй половины XVIII вѣка, въ трудѣ проф. А. В. Михайлова <sup>1)</sup>. Не бесполезно, думаемъ мы, осмотрѣться и съ другой стороны: что поставлено было въ исторіи и что получило развитіе относительно славянской Библии въ сознаніи другой части славянскаго міра, жившаго не научными представленіями, а интересами практическаго примѣненія славянской Библии къ жизни, при томъ значительно ранѣе XVIII вѣка.

По существу, повторяемъ, и въ научномъ изученіи и въ бытовомъ опознаніи славянской Библии—одинъ процессъ: то и другое стремится къ уясненію, къ усвоенію предмета. Но пути, цѣли и средства въ томъ и другомъ методѣ различны. Бытовое уясненіе Библии возникло и питалось жизненными потребностями, главнымъ образомъ желаніемъ улучшить, или исправить текстъ славянской Библии, придать ему болѣе соответственный требованіямъ времени языковой видъ, каноническій порядокъ, или провести чрезъ него какія-либо новыя идеи. Однимъ словомъ въ центрѣ этого усвоенія лежатъ запросы и интересы практической жизни. Этотъ видъ бытового усвоенія стоитъ въ неразрывной связи съ тою средою, которая въ своей жизни содержитъ славянскую Библию въ богослужебномъ и домашнемъ употребленіи, въ литературномъ пользованіи и въ той или другой степени въ основѣ своего культурнаго міросозерцанія. Эта среда — восточное православіе. Другой видъ усвоенія предмета—научное изученіе возникло изъ общенаучныхъ потребностей ознакомиться съ древнѣйшимъ общеславян-

<sup>1)</sup> Опытъ изученія текста книги Бытія пророка Моисея въ древнеславянскомъ переводѣ. Часть I. Паримейный текстъ. Варшава 1912.



скимъ достояніемъ—славянскимъ языкомъ, по времени явилось значительно позднѣе перваго направленія и сосредоточилось въ области исключительно языковѣдной. Это теченіе зародилось и развилось преимущественно въ средѣ западныхъ славянъ, въ средѣ, въ общемъ порвавшей связи съ славянскимъ библейскимъ текстомъ, какъ живымъ преданіемъ. И то и другое теченіе одинаково законны и цѣнны: и жизненные запросы времени и отвлеченныя потребности научнаго изслѣдованія—каждое въ мѣру своихъ возможностей должно помочь общему всестороннему уясненію вопроса. Одна струя выдвигаетъ неотвратимую правду жизни, другая правду логики. Хорошо было бы, если бы то и другое объединилось: если бы для рѣшенія поставлены были вопросы, заявленные жизнью, къ нимъ приложена была если бы научная изыскательность, примѣненная уже наукой къ предмету теоретическаго значенія. Только при такомъ порядкѣ могло бы получиться дѣйствительное знаніе славянской Библии.

Знаменитый именной указъ Петра I 14 ноября 1712 года объ изданіи славянской Библии гласилъ слѣдующее: «Въ Московской Типографіи печатнымъ тисненіемъ издать Библию на славянскомъ языкѣ, но, прежде тисненія, прочесть ту славянскую Библию и согласить во всемъ съ греческою 70 переводниковъ Библіею, и быть у дѣла того въ смотрѣніи и правленіи Еллиногреческихъ школъ учителю, іеромонаху Софронію Лихудію, да Спасскаго монастыря архимандриту Θεοφιλαкту Лопатинскому, да типографіи справщикомъ Θεодору Поликарпову и Николаю Семенову, въ чтеніи справщикомъ же—монаху Θεологу да монаху Іосифу. А согласовать и править въ главахъ и стихахъ и рѣчахъ противу Греческія Библии грамматическимъ чиномъ, а буде гдѣ въ славянскомъ противъ греческой Библии явятся стихи пропущены, или главы перемѣнены или въ разумѣ Писанію Священному греческому противность явится, и о томъ доносить преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и отъ него требовать рѣшенія. Таковъ Великаго Государя имянной указъ объявилъ Преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, и въ типографіи вышеписаннымъ сказалъ тайный совѣтникъ графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ»<sup>1)</sup>). Прямой смыслъ указа совершенно

<sup>1)</sup> Описаніе документовъ и дѣлъ Св. Синода, т. III, стр. 28; пр. XIII, стр. XLVII, II, ч. 1, № 268, ч. 2, № 1188.

ясень. Боролись двѣ партіи, или два направленія духовнаго просвѣщенія—восточное и западническое. Указъ 14 ноября отдавалъ рѣшительное предпочтеніе восточному просвѣщенію и осуждалъ западническія, вѣрнѣе католическія стремленія въ обществѣ, властно выдвигавшіяся тогда въ жизнь вмѣстѣ съ латинско-схоластической системой образованія въ тогдашней духовной школѣ. Идеиная побѣда греческаго просвѣщенія выражена въ повелѣніи произвести перестройку главнѣйшаго источника духовнаго просвѣщенія—Библии по типу греческаго оригинала въ противовѣсъ ея уклоненію къ строю латинской Вульгаты. Ближайшимъ образомъ здѣсь осуждалось «латинство» духовныхъ московскихъ круговъ конца XVII вѣка, заявлялась правда сторонниковъ греческаго просвѣщенія. Непосредственно подвергалась косвенному осужденію первопечатная московская Библия 1663 года, по традиціи передававшая справу греческой истины по латинскому оригиналу. Все это достаточно ясно съ перваго взгляда и подробно будетъ у насъ разъяснено далѣе. Но дѣло этимъ не ограничивается: указъ Петра I направленъ противъ такой слабой стороны русскаго просвѣщенія, корни которой восходятъ далеко глубже 1663 г.

Библия московскаго изданія 1663 года съ научной точки представляется несамостоятельнымъ, совершенно малоцѣннымъ предпріятіемъ московской церковной власти второй половины XVII вѣка. Оно вызвано было назрѣвшими къ тому времени потребностями въ духовномъ просвѣщеніи, но, по рѣшительному недостатку образованныхъ людей въ распоряженіи духовныхъ властей того времени, исполнено было поученически плохо: оно представляло, по обычаю того времени, не совсѣмъ точную перепечатку Острожскаго изданія Библии 1581 года. Острожское же, важное для своего времени изданіе, сдѣлано было въ свою очередь при самомъ существенномъ пособіи библейскаго свода 1499 года, т. наз. Геннадіевской Библии. Этому своду 1499 года принадлежитъ начало сближенія славянскаго библейскаго текста съ латинской Библией, въ этомъ сводѣ находятъ свой источникъ латинское русло въ изданіяхъ и Острожскомъ и Московскомъ. Съ теченіемъ времени, съ половины XVII вѣка, латинствующее теченіе, связанное съ этими изданіями Библии, разлилось широкой рѣкой въ основныхъ церковныхъ источникахъ и духовной литературѣ, но съ 1499 г., въ теченіе болѣе 150-ти лѣтъ, почти только одна славянская Библия напоминала вдумчивому наблюдателю о новомъ

пути славянскаго просвѣщенія, который въ церковно-канонической области усердно подготовлялся не собственными запросами и рѣшеніями, а флорентійскимъ и тридентскимъ соборами. Такимъ образомъ логика указа 14 ноября прямо и непосредственно подвергаетъ оцѣнкѣ и осуждаетъ построенное на латинской канвѣ московское первопечатное изданіе славянской Библии 1663 года, но при полной несамостоятельности и безответственности этого изданія, эта оцѣнка должна относиться всецѣло на долю его первоисточника—Геннадіевской Библии 1499 года.

Вся древнѣйшая исторія славянской Библии, отъ ея появленія въ IX в., при св. Кириллѣ и Меѳодіи, до конца XV-го вѣка стоитъ въ неразрывной связи съ греческимъ текстомъ Библии. Съ латинской Библіей судьба сталкиваетъ славянскій переводъ только въ концѣ XV вѣка, въ Геннадіевскомъ библейскомъ сводѣ. Чѣмъ объясняется поворотъ къ латинскому заимствованіямъ въ Геннадіевской Библии 1499 года? При какихъ условіяхъ произошелъ въ концѣ XV вѣка сдвигъ славянской Библии съ греческаго русла?

Здѣсь мы неизбежно сталкиваемся съ уясненіемъ религиозной бытовой психологіи русскаго общества конца XV вѣка. Допустить, что главнѣйшій источникъ восточно-православнаго міросозерцанія могъ незамѣтно подвергнуться дополненіямъ и исправленіямъ изъ латинскаго оригинала, подобно простому литературному памятнику, мы не можемъ. Это противорѣчитъ всему складу русскаго міросозерцанія съ древнѣйшихъ временъ до половины XVII вѣка или, по крайней мѣрѣ, до конца XVI-го вѣка. Извѣстное самодовольство русскихъ своимъ православіемъ побуждало ихъ относиться недоувѣрчиво даже къ православію грековъ послѣ паденія Цареграда. Тѣмъ съ большою подозрительностью долженъ былъ относиться русскій XV-го вѣка къ существенной вѣроисповѣдной особенности латинянъ. Остается признать, что наклонъ къ сближенію съ латинствомъ въ области библейскаго текста произошелъ не обычнымъ путемъ, а былъ произведенъ искусственно, былъ результатомъ вѣроисповѣднаго натиска римской церкви.

Въ этомъ мы убѣждаемся изъ цѣлага ряда соображеній и наводящихъ фактовъ.

И прежде всего—составъ и объемъ славянской Библии съ самого ея появленія у славянъ былъ очерченъ и опредѣленъ совершенно твердо. Правда, по довольно неудобному примѣру

византійцевъ, наши предки пользовались Библиею не въ одномъ сплошномъ кодексѣ, а въ видѣ отдѣльныхъ разрозненныхъ ея частей. Но это не свидѣтельствуешь, что никакой кодификаціи библейскаго состава у славянъ не было. На стражѣ опредѣленнаго состава Библии стояло древнее церковное каноническое сознаніе, проявившееся и въ дѣятельности свв. Кирилла и Меѳодія и въ болѣе позднее время—въ XII и XV вв.— въ видѣ признанія въ Библии только каноническихъ книгъ, съ яснымъ выдѣленіемъ изъ ихъ числа книгъ неканоническихъ (объ этомъ—см. въ нашей рѣчи «Рукописное преданіе славянской Библии» 1911 г.). Здѣсь у славянъ мы видимъ самое твердое слѣдованіе исконной восточной традиціи относительно библейскаго канона въ противовѣсъ рѣзко очерченной западной традиціи, существенною особенностью которой было расширеніе древняго канона позднѣйшими неканоническими книгами.

Какихъ либо потребностей въ расширеніи канона для надобностей теоретическихъ или практическихъ въ дѣятельности Геннадія—виновника этого расширенія канона—не видно. Для круга интересовъ Геннадія и его единомышленниковъ новыя библейскія добавленія не даютъ ни одного полезнаго штриха. Ни Геннадій, ни его литературный союзникъ, Іосифъ Волоцкій, новыми приобрѣтеніями не пользуются. Практическое употребленіе изъ этого латинскаго приобрѣтенія мы увидимъ значительно позднѣе, въ XVII в., и при томъ въ области далеко не геннадіевскихъ интересовъ.

Можно допустить одну практическую возможность обратиться къ латинскимъ переводамъ: желаніе достигнуть полноты библейскаго состава и невозможность достигнуть этого при наличности готовыхъ въ то время переводовъ. Потребность въ обобщающихъ сводахъ по различнымъ отраслямъ литературы въ эту эпоху подведенія Новгородомъ своихъ культурныхъ итоговъ была несомнѣнна: извѣстенъ въ теченіе первой половины XVI столѣтія сводъ богослужебныхъ книгъ, сводъ житій святыхъ. Но судьба этихъ сводовъ не вызываетъ никакого недоумѣнія. Богослужебные и житійные памятники были объединены въ предѣлахъ тѣхъ текстовъ, какіе въ то время извѣстны были въ Новгородѣ. Нѣкоторыя житія, повидимому, по заказу переведены были съ греческаго для надобностей тогдашняго свода. Все это только углубляетъ принятую до того времени церковно-бытовую традицію. Въ сводѣ Библии мы видимъ дру-

гое: готовые, извѣстные въ то время, тексты библейскихъ книгъ, правда, собраны, но далеко не въ достаточномъ размѣрѣ. Геннадіевской комиссіей использованы только поздніе новгородскіе тексты. Кромѣ новгородскихъ позднихъ, извѣстны были новгородскіе ранніе, а также не новгородскіе, напр., виленскіе тексты. Всѣ эти тексты, не говоря уже о текстахъ южно-славянскихъ, совершенно не были привлечены къ дѣлу библейскаго свода комиссіей Геннадія. Но и при этомъ условіи, при наличности однихъ, употребительныхъ тогда текстовъ Геннадій могъ составить почти цѣлую славянскую Библию. Дополненія потребовали бы только двѣ книги Паралипоменонъ. Ожидалось бы, что Геннадій поручить ихъ перевести съ греческаго текста, поручить провѣрить другія книги по тому же греческому тексту—и славянская Библия въ позднемъ русскомъ ея изводѣ будетъ готова. Оказалось не то. Не только не найденныя въ славянскомъ переводѣ книги Паралипоменонъ, поручено было перевести съ латинской Библии, и по той же Библии произвести провѣрку и восполненіе собранныхъ переводовъ, но признано было нужнымъ сдѣлать существенныя добавленія къ традиціонной славянской Библии. Переведены были неканоническія книги, не вводившіяся до того времени въ славянскую Библию: три книги Ездры, книги Товитъ, Іудифъ, Премудрость Соломона, и двѣ книги Маккавейскія. Въ намѣреніе редактора, очевидно, входило не только восполненіе текстовъ до размѣра традиціонной славянской Библии, въ предѣлахъ 60-ти каноническихъ книгъ, по счисленію I. Дамаскина, но болѣе того—до размѣра римской традиціи (восходящей еще къ Кароагенскому собору), до времени Геннадія рѣшительно не признаваемой на Востокѣ. Здѣсь мы имѣемъ дѣло, очевидно, болѣе чѣмъ съ простымъ литературнымъ явленіемъ.

Первые серьезные изслѣдователи труда Геннадія—Горскій и Невоструевъ объясняли появленіе въ Геннадіевомъ сводѣ Библии латинскихъ привносовъ предположеніемъ, что у составителей этого свода могло не быть греческихъ рукописей или переводчиковъ, знающихъ греческій языкъ. Подъ руками оказалась латинская Библия, нашлись знатоки латинскаго языка—отсюда естественно явились восполненія изъ латинской Библии <sup>1)</sup>.

<sup>1)</sup> Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной Библиотеки, I. VII—VIII стр. А. И. Соболевскій затрудняется объяснить, за чѣмъ непосредственный переводчикъ дополнительныхъ книгъ въ Ген-

Въ виду идейной значительности этихъ восполненій, мы думаемъ, что дѣло обстояло не такъ просто. А то обстоятельство, что переводчикъ съ латинской Вульгаты былъ не свой новгородецъ, а доминиканскій іеромонахъ Веніаминъ, пришедшій издалека, заставляеть спрашивать, почему новгородскій владыка для важнаго дѣла редактированія и упорядоченія славянской Библии не могъ пригласить ученаго грека и достать греческую Библию. Едва ли выполнить обычный для тогдашней Руси приемъ обращенія къ греческимъ источникамъ было труднѣе, чѣмъ обзавестись латинскимъ переводчикомъ.

Намъ дѣло представляется такъ, что въ этомъ неожиданномъ появленіи въ XV в. въ составѣ славянской Библии знаменательнаго добавленія неканоническихъ книгъ въ переводѣ съ латинской вульгаты, появилось насильственное воздѣйствіе на каноническую особенность восточнаго православія католической пропаганды <sup>1)</sup>. Для насъ совершенно невѣроятно, чтобы въ такомъ существенномъ пунктѣ разногласія между православіемъ и католичествомъ, обсуждавшемся на множествѣ соборовъ, начиная съ IV вѣка, Геннадій въ XV в. съ легкимъ сердцемъ, сознательно и добровольно пошелъ на капитуляцію и призналъ необходимость восполнить источникъ своего исповѣданія добавленіями католическими, рѣшительно отвергавшимися до того времени православною церковію. Психологически, съ церковно-бытовой точки зрѣнія, для архіепископа XV вѣка, по-своему ревнителя чистоты православія, подобная растерянность допустима только во снѣ или въ крайней степени умопомраченія. Подобныхъ безусловныхъ уступокъ въ этой существенной области вѣроисповѣдныхъ разногласій—безъ всякаго обсужденія и борьбы—исторія рѣшительно не помнитъ.

Натиски католичества на Русь извѣстны издавна. Еще въ половинѣ XIII вѣка была сдѣлана попытка основать во Псковѣ католическую епископію <sup>2)</sup>. Въ 1439 году на флорентійскомъ соборѣ, по мнѣнію католиковъ, положено было и юридическое основаніе ихъ демогательствамъ къ подчиненію восточнаго православія католической догмѣ. Между прочимъ, на этомъ соборѣ съ особенною силою выдвинуть былъ вопросъ о при-

---

надіевскомъ сводѣ—доминиканецъ Веніаминъ попалъ въ Россію (Переводная литература московской Руси XIV—XVII вв., 1903, 258 стр.).

<sup>1)</sup> Объ этомъ мы указывали въ рѣчи—Рукописное преданіе славянской Библии, 1911, 28—29 стр.

<sup>2)</sup> Трусманъ, Введеніе христанства въ Лифляндіи, Спб. 1884, 259 стр.

знаніи каноническаго значенія за неканоническими книгами, въ виду того, что въ католичествѣ развивались уже такія догматическія теченія, для которыхъ опору Римъ могъ выскивать только въ этихъ книгахъ <sup>1)</sup>). Греческіе члены собора не признавали эти книги въ томъ достоинствѣ, какое утверждали за ними католики, но чрезъ это католики вовсе не останавливались въ своемъ домогательствѣ внушить признаніе ихъ богодуховенности православнымъ. Какая тактика могла быть избрана для осуществленія этого замысла, отчасти можно видѣть изъ аналогичнаго примѣра, изъ отношенія католиковъ въ началѣ XVI столѣтія къ проведенію принципа объединенія православной богослужебной практики съ католическою. Въ 1526 году въ Римѣ былъ переработанъ по католическому чину и изданъ греческій Евхологій. Искуснымъ движеніемъ онъ возведенъ былъ въ достоинство оригинала для венеціанскихъ греческихъ изданій Евхологія въ типографіяхъ, прикровенно находившихся въ рукахъ католиковъ. Такимъ образомъ римская корректура предупредительно снабжала богослужебными изданіями и грековъ и чрезъ нихъ насъ, русскихъ, такъ какъ наши sprawy XVII в. основывались на этихъ *подлинныхъ* греческихъ изданіяхъ <sup>2)</sup>). Что дружеское содѣйствіе предложено было, подобно служебнику, и для Библии, у насъ прямыхъ фактовъ нѣтъ, но оно весьма вѣроятно и по тому, что вопросъ канонизаціи неканоническихъ книгъ весьма сильно занималъ римскую курію съ флорентійскаго собора до самаго разрѣшенія его на тридентскомъ соборѣ въ 1546 году, и еще болѣе по тому, что неожиданное практическое разрѣшеніе его

---

<sup>1)</sup> Свои новыя докрины о 1) Filioque, 2) объ исхожденіи Св. Духа, 3) о чистилищѣ латиняне доказывали на этомъ соборѣ ссылками на слѣдующія мѣста *божественнаго* писанія: 1) Премудрости Иисуса сына Сирахова XXIV, 31: Qui elucidant me vitam aeternam habebunt (мѣсто это неподлинное: кромѣ латинскаго текста, въ другихъ текстахъ не читается),—Mansi, t. XXXI<sup>b</sup>, col. 1477; 2) Прем. Солом. VII, 25—Mansi, t. XXXI<sup>b</sup> col. 1653; 3) 2 Маккав. XII, 46—Mansi, ibid., col. 1662. Подобныя доказательства широко были распространены потомъ, въ XVII в., въ нашей южно-русской уніатской литературѣ. Окончательно доказательная сила за этими спорными до того времени въ католической церкви книгами признана была на тридентскомъ соборѣ, въ 1546 г.

<sup>2)</sup> Докладъ проф. А. А. Дмитріевскаго въ Императорскомъ Обществѣ Любителей Древней Письменности 11 февраля 1911 года—О венеціанскихъ изданіяхъ греческаго Евхологія XVI—XIX вв. (библіографич. замѣчанія).

въ славянской Библии сопровождается созданиѣмъ весьма сгущенной католической атмосферы вокругъ главнаго виновника этой канонизаціи на славянской почвѣ—архіеп. Геннадія. Только въ XVII-мъ вѣкѣ мы замѣчаемъ потомъ такое же проявленіе воинственнаго католическаго духа въ русской церковной жизни. Вліяніе католичества вокругъ Геннадія проявляется особенно ярко въ его расправѣ съ жидовствующими и въ его церковно-имущественной идеологіи. Жестокое до бессмысленности издѣвательство Геннадія надъ еретиками стоитъ совершенно особнякомъ въ древней исторіи Новгорода и явно ведетъ свое начало отъ практики Филиппа испанскаго, о чемъ «цесарскій посолъ» имѣлъ бесѣду съ Геннадіемъ, изъ практики инквизиціи. Защита церковныхъ имѣній отъ имени ревнителя православія—архіепископа, по несомнѣнному убѣжденію ученыхъ, отъ имени Геннадія, проведена въ духѣ и формѣ римскихъ іерархическихъ воззрѣній<sup>1)</sup>. Соотвѣтственно этой обстановкѣ, въ переводѣ библейскихъ книгъ принимаетъ участіе доминиканецъ Веніаминъ, «родомъ славянинъ, а вѣрою латинянинъ».

Кто былъ этотъ Веніаминъ, по языку его перевода нѣсколько ясно<sup>2)</sup>. Онъ употребляетъ формы 1 лица единств. числа настоящаго времени на—*имъ* и—*емъ*: да предъ Богомъ сіе сотворимъ и кровь мужей тѣхъ пьемъ (1 Паралип. XI) = *ut faciam... bibam*. Формы эти въ XV в. по преимуществу свойственны сербскому языку. Изрѣдка встрѣчающіяся у него формы, чуждыя церковно-славянскому и русскому языку, какъ *въ улохъ стѣнахъ* = *in angulis murogum* (2 Паралип. XXVI) также по преимуществу сербскія. Въ словарномъ матеріалѣ перевода Веніамина бросается въ глаза цѣлый рядъ словъ или необычныхъ для церковно-славянскаго и русскаго языковъ, или употребляемыхъ въ необычномъ для этихъ языковъ значеніи: ковачъ = *faber*, краты = *vices* (*по кратихъ* = *per vices* 1 Паралип. XXIII), одножъ = *unaque вмѣстѣ*, ловити = *insidiari*, лѣсъ = *ligna*, плѣнь, плѣненіе = *praeda*, полкъ = *populus*, стая = *stabulum*, стѣна = *petra*, възданъ = *praeditus*, наставляти = *imponere*, настояти = *urgere*, скважня = *fontamen*, Еккліс. XIIз. Это слова сербскія: ковач, крат, једнож,

<sup>1)</sup> Слово кратко противу тѣхъ, иже въ вещи священныя... вступаютъ и отымати... дерзають. Изд. А. Д. Григорьевымъ, Чт. О. И. и Др. Р. 1902, Библиографическія матеріалы, № XXI.

<sup>2)</sup> А. И. Соболевскій, Переводная литература Московской Руси, стр. 256—259.



лијес, пук, плијен, стаја, стијена и т. д. Въ синтаксисѣ также проявляется одна сербская особенность употребленіе формы дат. пад. безъ предлога при глаголахъ движенія, на вопросъ куда: возвратися *дому* ахавлю = *everteret domum Achab* (2 Паралип. XXII); обратися *Иерусалиму* = *reversus est Ierusalem* (1 Паралип. XXI). По всѣмъ этимъ основаніямъ, при полномъ отсутствіи полонизмовъ и чехизмовъ въ языкѣ перевода Веніамина, можно съ увѣренностію полагать, что этотъ славянинъ - католикъ былъ хорватъ - глаголитъ изъ приморской Хорватіи, хорошо знакомый съ церковно-славянскимъ языкомъ по своимъ богослужебнымъ книгамъ и, какъ католикъ, владѣвшій и латинскимъ языкомъ<sup>1)</sup>.

Особенности языка Веніамина обрисовываютъ его обликъ и съ болѣе частныхъ сторонъ. Онъ часто передаетъ латинское *b* черезъ славянское *v*: Иоавъ, Аминадавъ, василика; латинское *s* черезъ *k*: Кисъ, кимбаль, кентуріонъ. Отсюда можно заключить, что онъ зналъ греческій языкъ. Повидимому, есть у него слѣды знакомства съ итальянскимъ языкомъ (= фряжскимъ): ветигаль = *vestigal* (1 Ездры IV), костелла = *castra* (1 Паралип. XXI). Церковно-славянскій языкъ того времени, помимо указанныхъ выше сербскихъ особенностей, содержитъ слѣды русскаго псковскаго нарѣчія: *кромъ* = *agx*, какъ въ псковскихъ лѣтописяхъ, *кремль* = *castrum*, *посадъ* = *urbs*, *ларецъ* = *agca* и т. п.<sup>2)</sup>.

Причину появленія хорватскаго глаголита въ Новгородѣ А. И. Соболевскій указываетъ очень простую: онъ могъ придти сюда съ попыткой поискать счастья въ мало кому извѣстной тогда Россіи. Путь его изъ приморской Хорватіи могъ лежать черезъ Прагу и Краковъ, гдѣ въ это время, повидимому, еще раздавалось славянское богослуженіе. Но намъ эта случайность кажется положительно невѣроятной. Чтобы случайный искатель приключеній такъ легко произвелъ завоеваніе своему духовному отечеству въ той области, на которую были обращены большія силы систематической атаки, это недопустимо. Да онъ и не можетъ быть названъ случайнымъ гостемъ: онъ

<sup>1)</sup> А. И. Соболевскій, указ. соч. 257—258 стр.

<sup>2)</sup> Мѣстныя особенности могли быть внесены въ переводъ Веніамина его русскими сотрудниками—Димитріемъ Герасимовымъ и Власіемъ, на обязанности которыхъ могло лежать приближеніе его языка къ русскому.

былъ вполнѣ вооруженъ тѣмъ оружіемъ, какое требовалось для даннаго момента.

Мы не имѣемъ возможности сопоставить текста Геннадіевской Библии въ частяхъ переводныхъ съ латинскаго съ текстомъ глаголическихъ хорватскихъ бревіаріевъ и миссаловъ: глаголическіе тексты съ латинскаго оригинала еще не изданы. Но мы произвели провѣрку правленной при Геннадіевскомъ собраніи книги Еккліасіастъ съ глаголическимъ текстомъ I Вербницкаго бревіарія нач. XIV в. и отчасти (съ XI<sup>6</sup>) бревіарія собранія коллегіи пропаганды XV в., по изданію Вайса <sup>1)</sup>, и можемъ свидѣтельствовать о значительной степени совпаденія текстовъ. И это въ особенности намъ кажется цѣнно потому, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ переводомъ съ греческаго: геннадіевскій списокъ книги Еккліасіастъ взятъ былъ въ переводѣ съ греческаго и сопоставленъ съ глаголическимъ текстомъ, переведеннымъ съ латинской вульгаты. Совпаденія въ переводахъ до буквальности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ греческій и латинскій тексты представляютъ сходныя чтенія, по нашему мнѣнію, не случайно и свидѣтельствуютъ о вліяніи глаголическаго текста. Вотъ примѣры совпаденій:

Глаголич. текстъ нач. XIV в.

Геннадіевскій текстъ 1499 г.

Еккліс. 1 4 род' прѣходит'.  
род' минует'. земля же въ вѣки  
стоит'.

род минуетъ и род прехо-  
дитъ, а земля в' вѣки стоитъ.

2 8 с'брах' мнѣ сребро и зла-  
то и имѣниѣ цѣсаръ толи стран'.  
створих' мнѣ пѣсни(вце) и пѣс-  
нивице.

и собрахъ же злато и сребро.  
имѣниа царь и странъ створи  
поющаа. мужска полоу и женска

2 19—18 емоуже трудихсе  
прѣбивае наслѣднику по мнѣ.  
егоже не знаю. аще мудр' или  
безумн' будущи ест' в'звладеать  
в' трудѣх' моих'. имиже по-  
тих' се и печалн' бѣх'

'яко 'оставляю "е челоувѣкѣ  
бѣдѣшомѣ по мнѣ. яко то естъ  
мѣдръ ли бѣдетъ ли безумень  
'и 'овладае' ли имать вѣм  
трѣдомъ моимъ еже мудрѣвахъ  
подъ солнцемъ.

2 26 чловѣку добро <sup>2)</sup> прѣд'  
собою дает' <sup>3)</sup> Бог' моудрость  
и разоум' и радост'

яко челоувѣкѣ благо предъ ли-  
цемъ его. да естъ моудрость  
разѣмъ и веселіе

1) Joseph Vajs, Glagolitica. Publicationes palaeoslavicae Academiae Veglensis, fascic. 2. Veglac, 1905.

2) Вульг. *bono*, греч. τὸ ἀγαθόν. Ошибка въ переводѣ съ латинскаго перedalась и переводу съ греческаго.

3) Вульг. *dedit*, греч. εἶδωκεν. Опять одинаковая ошибка!

Глаголич. текстъ нач. XIV в.

3 7—8. Врѣме разд'ртиѣ. и врѣме швениѣ. Врѣме мл'чаниѣ. и врѣме глаголаниѣ. Врѣме брани. и врѣме мира.

3 17 и рѣх' въ срѣдци моем'. прав(е)днаго и нечистиваго судит' господь

5 5—6 не дажд' уст' твоих' да створет' плѣт' твою. ни р'ци прѣд' алделом' нѣст' просмотрѣниѣ. еда прогнѣваетъ се на те богъ. и погубить вса дѣла рук' твоихъ'. Идѣже много сън', много и ешут'. и словеса неисчислна. ти же боисе бога.

7 17 не буди праведенъ' много. ни веде мудр'

11 1—5 Пошли хлѣб' твои на приходищих' вод'.

ѣко по мнозѣ временѣ обрешиши и. Даи чест' седму и още осму ѣко не знаеши которо хошет' бити зло на земли. Аще наплънени будут' облаци дѣжда на землю излѣют'. аще падет' дрѣво на юго. или на буру. и в' которо любо мѣсто падет'. ондѣ будет'. Иже гледает' вѣтра, не сѣет'. и иже гледает' облаки. николиже жънет'. Якоже не знаеши котори пут' духа. и которим' рачуном' с'ставляют' се кости в чрѣвѣ трухлѣ. тако не знаеши дѣла божия. иже ест' с'здател' всѣх'

11 6 <sup>2</sup>). Съ ютра сѣи сѣме твое. и к вечеру да не престанетъ рука твоѣ. ѣко не вѣши

Геннадіевскій текстъ 1499 г.

время въздрати, и время шшити. время млѣчати и время глаголати... время рати и время мира.

'и рѣх' азъ въ срѣдци моем. съ праведными <sup>1)</sup> 'и съ нечестивыми сѣдитъ богъ

не даждь ѣстенъ своихъ съгрѣшати плоти своей. да не речеши предъ лицомъ божіимъ. яко да невидѣніе есть. еда прогнѣвается богъ о мысли твои. и растли<sup>т</sup> твоея якоже въ множествѣ съніи. и сѣетствіи. 'и словесъ многъ. яко ты бога боиса.

не бѣди праведенъ велии, ни мудриса велии.

Посли хлѣбъ твои на лице водѣ.

яко въ множествѣ и обратиши. даждь часть седми и бойса, яко не вѣси, что бѣдетъ лѣкаво на земли. Аще исплѣнятся облаци дожда, на землю изливаютъ. и аще паде<sup>т</sup> древо ѣгом. 'аще ли на вѣрнѣ мѣстѣ. 'идеже падетъ древо. тоу бѣдетъ. Блюды вѣтра не сѣет и смотриши въ облаки не пожнет. в нихъ же нѣсть воды (=вѣды). и что бѣдетъ духа. яко кости ражающаа въ чревѣ. тако не раздѣмѣть дѣлъ божіихъ. елико же сотворити вса чьскаа.

'и заѣтра сѣи сѣма свое. и вечеръ да не оставлетъ рѣкы твоея яко не вѣси которое

<sup>1)</sup> Съ—буквальный переводъ греч. σύν: σύν τόν δίκαιον!

<sup>2)</sup> Глаголич. текстъ по сп. коллегіи пропаганды XV в.

Глаголич. текстъ нач. XIV в.

котери вещь изникнет сие или оно. аще ли обою вкупъ боле будеть.

11 7 слатка свѣтлость и угодна е(сть) очима слънце видити.

11 8 Аще много лѣтъ живеть чловѣкъ. и въ всѣх' ихъ весели бил би. споменутиемъ много времени тамнаго. и днѣ мнозихъ

11 9—10 Веселисе убо юноша въ юности твоеи и добро буди срце въ дни юности твоее. и ходи в нихъ срцемъ твоимъ и по гледанию очию твоею. и знаи. яко за все сие приведет те богъ на суд.

12 1 Помени Создателя твоего в дни юности твоее прежде неже придет время умучений и приблизит се. от нихже речеши нѣсть мнѣ угодни.

12 2 егда же подвижутся страже дому и всколибают се мужи прѣкрѣпци и убѣни будутъ мелющее прѣдобрѣем' числомъ и ота(м)нетъ зрѣще по *скважняхъ*.

12 10—11 и написа словеса [глаголи] приправие и рѣсноти пни. Словеса премудрихъ *яко остни*

Какъ бы ни смотрѣть на соотношенія этихъ переводовъ, намъ кажется, все-таки нельзя не признать, что переработка геннадіевскаго списка считалась съ фразеологіей глаголическаго текста. Оставаясь по существу самостоятельной, вѣрной греческому чтенію, переработка эта проходила чрезъ призму хорватскаго слововыраженія, совершалась какъ бы подъ диктовку хорватскаго перевода и приспособленіе его къ формамъ церковно-славянскаго языка русскаго типа. Объясненіе буквальныхъ совпаденій случайностью, пользованіемъ однимъ и

Геннадіевскій текстъ 1499 г.

ꙋлучитса се'ли или оно. 'аще ли 'обою вкꙋпъ то благо.

и сладко свѣтъ и благъ очима зрѣти и слънцем

яко аще и лѣта многа живет. чловѣкъ въ всѣх' ихъ възвеселитса. и поманет дни тмы. яко мнози бꙋдутъ

Веселиса ꙋното въ ꙋности своей. егда 'ꙋблажит' та сердце твое въ день ꙋности твоеа 'и ходи въ пѣтехъ сердца твоего. непороченъ. 'и в' видѣнии 'очію своею разꙋмъ яко о всѣх' сих' приведе' та бог на сꙋдъ.

И помани створшаго та въ день ꙋности твоеа дондеже не придꙋтъ днѣ злобы и приспѣют лѣта и речеши ми нѣсть ми въ нихъ хотѣнія

вънже подвижетса, стражіе домꙋ. и' разврататса мꙋжи силы. ꙋспразднишася мелаша яко 'изнемогоша. и помрачатса гладающіи в *скважняхъ*.

и написана правостію словеса и'стин'ны словеса мудрихъ 'яко остни.

тѣмъ же литературнымъ церковно-славянскимъ богослужебнымъ языкомъ, едва ли возможно: и общія ошибки въ переводѣ и одинаковое употребленіе рѣдкихъ словъ (*скважня, остнѣ*) и большая ясность и древность языка хорватскаго глаголическаго текста (12 *ю рѣснота*) не позволяютъ довольствоваться предположеніемъ случайности. Впрочемъ, повторяемъ, что степень вліянія глаголическихъ текстовъ въ геннадіевскомъ библейскомъ сводѣ можетъ быть установлена только послѣ уясненія глаголическихъ переводовъ съ латинскаго и сравненія ихъ съ такими же переводами съ латинскаго геннадіевской справы.

Искусная, тайная побѣда католическаго библейскаго канона надъ исконнымъ восточнымъ канонѣмъ оказалась возможною, благодаря рѣшительной невнимательности и небрежности церковной власти того времени. Занятая борьбою съ «еретиками» своего времени—жидовствующими и съ идейными противниками имущественной политики церковной іерархіи и монастырей, какъ преп. Ниль Сорскій съ его единомышленниками, московская церковная власть совершенно просмотрѣла свою обязанность слѣдить за чистотою источниковъ своего вѣроученія. Эту обязанность она оставила на попеченіе частной заботливости, совершенно не поинтересовалась этимъ дѣломъ, когда эта частная заботливость внесла коренной переворотъ въ этомъ источникѣ, и сама, безъ всякаго просмотра, затѣмъ, чрезъ 164 года, приняла это частное достояніе въ свои руки и издала его отъ своего имени, снабдила его своимъ авторитетомъ. До оцѣнки этой своей капитуляціи въ важнѣйшемъ пунктѣ своего исповѣданія, церковная власть никогда не доходила. Только общее опасеніе латинскаго наступленія вызвало въ XVII в. нѣкоторый отпоръ и критику латинскаго завоеванія въ этой области, результатомъ чего и явился знаменитый указъ Петра о возвращеніи славянской Библии къ исконнымъ берегамъ греческаго текста LXX.

Для католиковъ эта мирная, добровольная сдача передовой позиціи православія была связана съ значительными выгодами въ послѣдующей исторіи. Мы уже упоминали, что непосредственно вслѣдъ за этой позиціей ими атакована была другая цитадель—богослужебныя книги—и завоеваніе ихъ въ этой области шло столь успѣшно, что потребовалось цѣлое народное движеніе въ XVII в., чтобы положить предѣлъ этому побѣдоносному шествію. Разумѣемъ оппозиціонный Никону, а

въ его лицѣ и всей іерархіи, недостаточно осмотрительной по части охраны восточнаго чина и строя въ церкви—расколь старообрядчества. Какъ бы ни расцѣпывали внутреннія пружины этого движенія, нельзя отрицать, что недовольство исправленіемъ богослужебныхъ книгъ при Никонѣ опиралось на реальныя основанія оппозиціи. Книги правлены были по кіевскимъ могилянскимъ изданіямъ и греческимъ печатнымъ текстамъ, а по текстамъ этимъ—и греческимъ и кіевскимъ славянскимъ—весьма замѣтно прошла рука католическаго исправителя. И народному движенію нельзя вынести одобренія за форму его противодѣйствія, но нельзя отказать въ извѣстной степени вполнѣ здоровой чуткости къ исконному, бытовому достоянію православія.

Согласіе въ составѣ славянской Библии съ Библіей латинской не только идейно облегчило движеніе въ Россіи католическихъ идей и католическаго строя устраненіемъ одной изъ существенныхъ преградъ между вѣковыми вѣроисповѣдными и бытовыми разногласіями, — но стало однимъ изъ могучихъ орудій къ распространенію идей католичества. Оно давало высокую идейную опору тѣмъ домогательствамъ римской догмы и церковной дисциплины, какія, мы видѣли, со стороны католиковъ выдвигались передъ греками еще на флорентійскомъ соборѣ и какіе не могли найтти для себя безъ высшаго священнаго авторитета болѣе или менѣе терпимаго приема у русскихъ. Вотъ на чемъ обосновывались новые римскіе догматы въ XVII вѣкѣ передъ уніатами и передъ вовлекаемыми въ унію православными въ текущей, можно сказать, уличной литературѣ того времени.

Въ Сборникѣ Софійской библи. XVII—XVIII в. № 1536, л. 69—70, читаемъ: «О приношеніи за умершихъ, о чистду, и о грѣшныхъ душахъ, гдѣ суть». Доказательства перваго, подготовительнаго къ ученію о чистилищѣ положенія, основываются на такихъ данныхъ: О *Товите* такъ говоритъ: «хлѣбъ твой со алчимъ и со требующимъ яждь, и отъ одѣнии твоихъ нагихъ одѣнь. Хлѣбъ твой и вино твое при погребении давай праведнаго...» *Сирахъ* говоритъ (гл. 38): «Чажо, надъ мертвецемъ источи слезы и, яко злѣ стражда, начни плача, и якоже достойтъ ему, сокрый тѣло его, и не презри погребения его», и далѣе: «упокой мертвеца, коньчай память его и утѣшися о немъ во исходе души его». «*Июда же Маккавеи* крепчайше моляше люди снабдѣти себе безъ грѣха, очима видяще бывшее грѣха

ради и сотворь из мужей собрание у тваре, яко двѣ тисечи дидрахмъ сребра и посла во Іерусалимъ принести за грѣхи мертвыхъ жертвъ, предобре и угодне творя, и воскресени помышляя»... Послѣ этой подготовки дается главное разсужденіе: *Очистецъ, И здѣжъ и которое писмо проповѣдаетъ чистецъ*... (л. 71 об.). Едва ли путь для такихъ разсужденій былъ бы такъ глагокъ, если бы народное русское сознаніе не было подготовлено къ нему предшествующею дѣятельностью въ духѣ флорентійскаго и тридентскаго соборовъ, т. е. сближеніемъ библейскаго канона русской церкви съ канономъ католическимъ, возведеніемъ нужныхъ для католической догмы писаній въ рядъ высоко авторитетныхъ *священныхъ* книгъ.

Послѣдующая исторія славянской Библии въ московской Руси, въ XVI вѣкѣ, связана главнымъ образомъ съ дѣятельностью преподобнаго Максима Грека.

По существу его работа въ этой области относилась не къ тексту Библии въ собственномъ смыслѣ, а къ изъясненію нѣкоторыхъ частей Библии. По словамъ самого Максима въ его посланіи къ царю Ивану Васильевичу, онъ призванъ былъ въ Москву исключительно для перевода Толковой Псалтири: «Ни во что же прочее потребенъ азъ благовѣрному и пресловутому граду Москвѣ, егоже получить желаніе мною грѣшникомъ, получилъ уже сокровище разума спасительнаго и неистопаема, глаголю же соборное толкованіе 150 боговдохновенныхъ псалмовъ» <sup>1)</sup>. Въ дѣйствительности потребность въ толкованіяхъ на Москвѣ оказалась значительно шире, чѣмъ было заявлено Максиму при его вызовѣ, и ему пришлось дать здѣсь цѣлый рядъ другихъ толкованій и библейскихъ исправленій. Эти работы его были слѣдующія <sup>2)</sup>.

1. Переводъ съ греческаго толкованія на Псалтирь. Свѣдѣнія о происхожденіи, времени перевода, именахъ переводчиковъ и нѣкоторыхъ толкователяхъ Псалтири даны Максимомъ Грекомъ въ предисловіи къ своей Толковой Псалтири <sup>3)</sup>.

<sup>1)</sup> Сочин. Максима Грека, казанское изданіе, 2, 377—378.

<sup>2)</sup> Библиографія переводовъ Максима Грека въ значительной степени указана въ трудѣ С. А. Бѣлокурова—„Библиотека московскихъ царей“ и въ рецензій на этотъ трудъ акад. А. И. Соболевскаго въ „Вѣстникъ Археологіи и Исторіи“, XIII, 280—281.

<sup>3)</sup> Списки Толковой Псалтири указаны въ значительномъ количествѣ въ работѣ С. А. Бѣлокурова. Укажемъ ближайшіе: Императорской Публ. Библ. XVI в. Ф. № 71, Ф. 1 № 415, Ф. 1 № 530 и др. Предисловіе къ Псалтири напечатано у Бѣлокурова, прилож. VI—VII.

Кромѣ этого, исторія перевода толковой Псалтири, значеніе ея и тѣхъ толкователей, изъ которыхъ она составлена, дается самимъ Максимомъ Грекомъ въ посланіи его къ великому князю Василию Ивановичу <sup>1)</sup>. Въ посланіи, между прочимъ, указывается, что московское правительство переводомъ Псалтири намѣревалось достигнуть и нѣкоторыхъ высшихъ политическихъ цѣлей: возвысить достоинство новаго свободнаго царства внесеніемъ въ него духовнаго просвѣщенія. Толковая Псалтирь разсматривалась тогда какъ, энциклопедія высшей мудрости, высшихъ озареній и созерцаній.

2. Переводъ съ греческаго толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ. Трудъ этотъ былъ предпринятъ Максимомъ Грекомъ по просьбѣ митрополита Варлаама въ лѣто 7027, т. е. въ 1519 г. Ранѣе книга Дѣяній съ толкованіями была переведена на церковно славянскій языкъ только въ предѣлахъ первыхъ 13 главъ, 30 зачалъ. Варлаамъ просилъ Максима Грека докончить переводъ Дѣяній и провѣрить имѣвшійся переводъ. Максимъ сдѣлалъ дополнительный переводъ съ того же свода отеческихъ изъясненій (*Catena in Acta ss. Apostolorum*, изд. Cramer'a), съ какого переведена была начальная часть Дѣяній. По мѣстамъ, впрочемъ, пользовался онъ и толкованіями Теофилакта Болгарскаго. Ранѣе переведенныя 13 главъ съ толкованіями Максимъ Грекъ исправилъ <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Посланіе напечатано въ казанскомъ изданіи сочиненія Максима Грека въ II, стр. 296—319, а также ранѣе въ извлеченіи въ Описаніи рукописей Синодальной Библиотеки II, ч. 1, стр. 83—87. Въ извлеченіи также у Попова, Описаніе рукописей Хлудовской библиотеки, стр. 44—45.

<sup>2)</sup> Рукописи перевода Максима Грека на кн. Дѣяній Апостольскихъ съ толкованіями: повидимому, наиболее исправный текстъ даетъ рукоп. Кирил. Бѣлоз. библ. XVI в. № 24/149 (здѣсь въ записи о времени перевода, л. 181 об., указанъ 1520 годъ), Импер. Публ. Библ. F. 1 № 82, XVI в.—списокъ отличный отъ другихъ: здѣсь, послѣ Дѣяній, приведены толкованія на посланія соборныя и св. ап. Павла, зато въ началѣ опущены вступительныя статьи; Троиц.-Серг. Лавры № 118, отсюда запись издана у С. А. Бѣлокурова, прилож. ССLXIX стран.; Соловецкой библ. № 150 и № 151, запись о времени перевода въ отрывкѣ издана въ Описаніи рукоп. Соловецкой библ. I, стр. 177, годъ перевода показанъ 7028 (1520). Имена толкователей указаны въ № 151. Есть много и другихъ списковъ въ разныхъ книгохранилищахъ. Текстъ подлиннаго перевода Максима въ рукописяхъ не представляетъ различій, исправленныя же главы въ спискахъ разнятся. Исправленія состояли въ провѣркѣ по греческому тексту и обновленію языка (Солов. XV въ № 150 въ Дѣян. 3: старый переводъ *отъ влазящихъ*—Максимъ: *отъ входящихъ*). Историческое упоминаніе о переводѣ Максима Грека въ литературѣ:



3. Переводъ толкованій на евангеліе Матѳея и Іоанна. Въ предисловіи къ этому труду Максимъ Грекъ указываетъ содержаніе книгъ, свѣдѣнія о писателяхъ и толкователяхъ и время своего перевода (7032=1524 годъ). Для евангелія Матѳея переведено толкованіе св. Іоанна Златоуста. Бесѣды 45, видимо, не оказалось въ греческой рукописи, и Максимъ заимствовалъ ее въ «выкладѣ изъ латинскихъ книгъ князя Курьбскаго»<sup>1)</sup>.

4. Исправленіе перевода Псалтири (безъ толкованій). Это исправленіе сдѣлано было Максимомъ Грекомъ по просьбѣ ученика его, Нила Курлятевыхъ въ 1552 году. Потребность въ исправленіи выясняется изъ современнаго сужденія упомянутаго ревностнаго ученика Максима, видимо, удрученнаго темнотою перевода Псалтири. Источникъ этой темноты онъ приписалъ обилію сербскихъ словъ въ переводѣ, внесенныхъ въ Псалтирь по его словамъ митрополитомъ Кипріаномъ<sup>2)</sup>. Трудъ Максима состоялъ въ упрощеніи славянскаго текста Псалтири, въ его приближеніи къ тогдашнему виду языка. Образцы его исправленій даны въ Описаніи рук. Соловецкой Библ. I, подъ №№ 12 и 13. Въ разныхъ спаскахъ эти исправленія были неодинаковы. Повидимому, къ нимъ присоединялись исправленія и другихъ исправителей<sup>3)</sup>.

Иконниковъ, Кіевск. Ун. Изв. 1866, 1866, отд. изд. стр. 117, Жмакинъ, митрополитъ Даниилъ и его сочиненія, Спб. 1881, стр. 160.

<sup>1)</sup> Рукописи толкованій на св. Матѳея и Іоанна—библ. Воскресенскаго монастыря (Новый Іерусалимъ), нынѣ въ Синод. библ. XVI в. №№ 79 и 82 (Бѣлокуровъ, указ. соч., прилож. ССLXX—ССLXXI); Импер. Публ. Библ. полный списокъ толкованій на св. Матѳея Іоанна Златоустаго въ 2-хъ книгахъ—собр. Погод. №№ 1147, 1148. Предисловіе къ переводу напечатано у Ягича—Изслѣдованія по русскому языку, т. I, 1895 г., стр. 626—631, а ранѣе—Изв. Импер. Акад. Н. т. VШ, стр. 321—326.

<sup>2)</sup> Рукоп. собр. гр. Уварова XVI в. № 14, въ записи: „Кипріанъ митрополитъ по-гречѣски гораздо не разумѣлъ и нашего языка довольно не зналъ же (аще и съ нами единъ нашъ языкъ, сирѣчь словенскыи, да мы говоримъ по своему языку чисто и шумно, а они говорятъ млажаво, и въ писаніи рѣчи наши не сходятся), и онъ мнилъся что поправилъ Псалмовъ по нашему, а болши неразуміе въ нихъ написалъ, въ рѣчахъ и въ словехъ, все по сербскы написалъ; и нынѣ многыя у насъ и въ ся времена книги пишутъ, а пишутъ отъ неразуміа все по сербскы, и говорити по писму по нашему языку прямо не умѣютъ, и многыя неразумныя смущаются“.

<sup>3)</sup> Рукописи Псалтири, правленной Максимомъ Грекомъ: Софійской библ. № 1525, XVI в., Погод. собр. № 1143, 4<sup>о</sup>, XVI в.; здѣсь на л. 21 говорится, что исправленія Максима приспособлялись въ послѣдующее время даже къ печатнымъ изданіямъ Псалтири, напр., изд. Невѣжи Тимоеева, печатанной въ царство благовѣрнаго и христіолюбиваго царя и великаго князя Бориса Феодоровича въ лѣто 7100. Въ Соловецкой би-

Трудъ исправленія Псалтири исполненъ Максимомъ Грекомъ въ 1552 году <sup>1)</sup>).

На составъ Библии, на характеръ ея славянскаго текста переводы Максима Грека не могли оказать вліянія. Они стояли внѣ Библии. Самое появленіе ихъ обусловливалось не библейскою любознательностью, а практическимъ требованіемъ богослужебнаго чина и церковной уставной учительности. Всѣ переведенныя Максимомъ Грекомъ толковыя священныя книги были назначены для рядовыхъ уставныхъ церковныхъ чтеній: *толковая Псалтирь* на воскресные и праздничные дни великаго поста; чтеніе назначалось послѣдовательное въ размѣрахъ двухъ или трехъ листовъ для утрени, двухъ для перваго часа и полуторыхъ листовъ для прочихъ часовъ; *Дѣянія Апостольскія*—на павнихидахъ бдѣній отъ Антипасхи до Пятидесятницы; для чтенія назначалось каждый разъ около восьми листовъ; отъ недѣли всѣхъ святыхъ до недѣли Ваий положены были на тѣхъ же бдѣняхъ чтенія изъ посланій апостольскихъ, причемъ, по прочтеніи всѣхъ посланій, они въ томъ же порядкѣ, начиная съ посланія къ Римлянамъ, повторялись; *Евангелія Матвѣя и Иоанна съ толкованіями* положены были для чтенія на утрени въ седмичномъ кругѣ въ такомъ порядкѣ: съ полунощницы, а иногда съ утрени Пасхи до недѣли всѣхъ святыхъ—толкованіе Златоуста на св. Иоанна; съ 1-го сентября по 20 декабря вторая книга толкованія Златоуста на св. Матвѣя (съ недѣли всѣхъ святыхъ до 1 сентября—толкованіе на посланіе къ Римлянамъ); съ 20 декабря до великаго поста—первая книга толкованій Златоуста на евангеліе Матвѣя <sup>2)</sup> \*).

И. Евсѣевъ.

бліотекъ списки—№№ 12 и 13. Вообще этихъ списковъ много въ разныхъ рукописныхъ собраніяхъ.

<sup>1)</sup> См. объ этомъ Соф. № 1525, л. 81, Погод. № 1143, л. 1 и др.

<sup>2)</sup> Въ славянскихъ типиконахъ всѣхъ приведенныхъ здѣсь особенностей мы не могли найти: указанія о чтеніи Дѣяній и Толкованій на св. Матвѣя и Иоанна въ типиконѣ даются, но нѣтъ предписанія о чтеніи Толковой Псалтири. Не нашли мы этого предписанія и въ характерномъ, „собинномъ“ обиходникѣ Кириллова монастыря (Софійск. библ. № 1163, XV в.). Повидимому, это уставное требованіе было не въ общепринятомъ, а въ какомъ-либо монастырскомъ уставѣ. Мы заимствовали приведенную въ текстѣ систему чтеній, съ указаніемъ на Толковую Псалтирь, изъ предписаній греческаго устава (ср. ст. В. П. Виноградова „Уставныя чтенія“ въ Богословскомъ Вѣстн., июль—авг. 1912 г., стр. 711—716).

\*) Продолженіе слѣдуетъ.



# САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

## **Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»**

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

**На сайте академии**  
**[www.spbda.ru](http://www.spbda.ru)**

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки